

Н.А. Хренов

*доктор философских наук, профессор,
 главный научный сотрудник отдела медийных и массовых искусств
 Государственного института искусствознания
 nihrenov@mail.ru*

КОММУНИКАЦИЯ И КУЛЬТУРА: К НЕАПОЛОГЕТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

В статье исследуется коммуникативный взрыв XX века как причина новых отношений между процессами индивидуализации и омассовления в культуре. Рассматривается культурологический аспект коммуникации и личность как субъект коммуникативных процессов. Ставится вопрос: способствовали ли средства коммуникации наращиванию личностного потенциала культуры? При решении этого вопроса критикуется апологетический подход к коммуникации. Доказывается, что переход от письменности к печатной книге был сложным процессом приобретений и потерь.

Ключевые слова: коммуникативный взрыв, коммуникация, медиа, личность в культуре, индивидуализация, массовая культура

This paper investigates the communicative explosion of the twentieth century as the cause of new relationships of the processes of individualization and massification in the culture. We consider the cultural aspect of communication and personality as subjects of communicative processes. The question arises: whether the communication development contributed to personal cultural capacity-building? In addressing this issue we criticize the apologetic approach to communication. It is proved that the transition from writing to the printed book was a difficult process of gains and losses.

Keywords: communicative explosion, communication, media, personality in the culture, individualization, mass culture

1. Коммуникативный взрыв XX века как причина новых отношений между процессами индивидуализации и омассовления в культуре.

С появлением интернета человечество продолжает испытывать эйфорию от чудес, переживаемых в результате новых коммуникативных технологий. Не успели освоить кино, как появилось телевидение. Но после нескольких десятилетий функционирования телевидения появляется интернет. Но ведь на этом новации в сфере коммуникации не заканчиваются. Конечно, это фантастические сдвиги, затрагивающие все сферы, в том числе культуру. В силу этого, большинство исследований о коммуникации имеет апологетический характер. Это апология коммуникации и технологии. Это можно объяснить, но к этому осмыслению природу коммуникации сводить никак нельзя.

Прибегнем к философии и воспользуемся подходом Канта, у которого главные работы написаны в жанре критики. К сегодняшнему дню исследование коммуникации очень дифференцировалось. Кто-то изучает только телевидение, кто-то кино, кто-то интернет. Но даже внутри этих отдельных средств люди занимаются еще более частными вопросами. Такая дробность проблематики мешает обобщенному взгляду на историю коммуникации. Необходимо рассматривать все средства сразу. Предлагаю по аналогии с «критикой чистого разума» «критику коммуникативного разума».

В связи с этим выскажу такую мысль. Переживая спровоцированную электронными технологиями эйфорию, мало кто обратил внимание на суждение М. Маклюэна, писавшего, что средства коммуникации высвобождают колоссальную новую силу и энергию, «сопоставимую с той, которая высвобождается при расщеплении ядра в термоядерном синтезе» [Маклюэн, 2003, 58]. М. Маклюэн констатирует: нам ничего неизвестно о последствиях высвобождения социальных и

психологических энергий, свидетелями которых мы являемся. Сказано это уже давно. Конечно, мы по-прежнему продолжаем быть свидетелями высвобождения энергий. Но можно наблюдать уже и последствия, и по этому поводу рефлексировать.

Так, например, телевидение демонстрирует себя в виде суггестивного механизма колоссальной мощности, стирая даже те достижения, что связаны с его информационными и художественными достижениями. И это уже позволяет понять то, что имел в виду М. Маклюэн. Значит, самое время обратиться к критике. Утрачивая способность к совершенствованию информационной и художественной деятельности, телевидение демонстрирует гипертрофированную способность к суггестивному воздействию. Эта закономерность характерна и для нашего времени. Чтобы этот опыт телевидения осмыслить, необходимо обратиться к тем ученым, которые пытались разобраться в суггестии.

Так, в 1960-е годы в связи с разработкой проблем социальной психологии вопросы внушения очень интересно ставил Б. Поршнев. Полагаю, что именно Б. Поршнев позволит понять, что имел в виду М. Маклюэн, когда он писал применительно к телевидению о расщеплении ядра в термоядерном синтезе. Тем более, что суггестию Б. Поршнев тоже представлял «атомным ядром со скрытыми в нем силами и энергиями» [Поршнев, 1971, 12]. В данном случае переключка имеет место даже на уровне терминологии. «Суггестия в чистом виде, – писал Б. Поршнев – тождественна полному доверию к внушаемому содержанию, в первую очередь к внушаемому действию. Это полное доверие, в свою очередь, тождественно принадлежности обоих участников данного акта или отношения к одному «мы», то есть к чистой и полной социально-психологической общности, не осложненной пересечением с другими общностями, а конструируемой лишь оппозицией по отношению к «они» [Поршнев, 1971, 14].

Разумно, значит логично. Но вот к какому выводу приходит Б. Поршнев, имея в виду суггестию. Психологическая общность («мы») в ее предельном чистом случае это есть поле суггестии, или абсолютной веры. Но полная суггестия, то есть полное доверие тождественны внелогичности. Наверное, это обстоятельство и будет разгадкой того, что имел в виду М. Маклюэн под расщеплением ядра в термоядерном синтезе.

Ну, и, наконец, нужно прокомментировать остальную часть названия статьи. Она касается уже истории коммуникации, которая, как кажется, все время движется в сторону все более совершенных и еще не существовавших средств коммуникации, поддерживая нашу эйфорию. Но выясняется, что кроме линейного принципа в этой истории имеет место уже циклический принцип. Циклическая же логика предполагает после прогрессивного скачка в будущее возвратное движение к исходной точке. Такие возвратные движения способны разрушать, даже стирать сформированные на поздних этапах истории духовные и художественные ценности, не успевшие стать массовыми.

По-моему, суперсовременные коммуникативные технологии этому возвратному движению очень способствуют. С другой стороны, их функционирование этой циклической логике подчиняется. Так, способы видения, утвердившиеся на поздних этапах изобразительного искусства, под натиском возникшей на основе электронных технологий новой визуальности деградируют [Хренов, 2016, 9]. Тут, конечно, уже нет причин ни для эйфории, ни для апологии. Способность к созерцанию, о которой так вдохновенно писал в XVIII веке И. Винкельман применительно к системам видения, возникшим в античной пластике, увы, уже не культивируется. Об этом очень точно писал В. Беньямин. Но визуальность возрождает самые ранние типы изображения, которые теоретики и историки искусства, вроде Вёльфлина, Шмита, или Бакушинского называли моторно-осязательными типами и которые на протяжении истории искусства угасали, уступая место чисто живописной или оптической системе видения.

Позволим себе свою мысль сформулировать так. Вся история демонстрирует освобождение искусства от культовой и ритуальной практики. Но, нагружаясь политическими, идеологическими и пропагандистскими смыслами, искусство XX века возвращает к состояниям невыделенности искусства из ритуала. А ритуал ведь это все та же суггестия. Все то же состояние растворения индивида в некоем «мы», в толпе, в массе.

Н.А. Хренов *Коммуникация и культура:
к неапологетической истории массовой коммуникации*

Если выразиться языком Б. Поршнева, то создавшееся положение, то есть спровоцированная суггестия стирает все попытки активизировать контрсуггестию. А ведь из этих двух комплексов – суггестии и контрсуггестии и состоит вся история человечества. От эмоциональных коллективных вспышек, способных ставить человечество в экстремальные ситуации, может отвести лишь контрсуггестия. Она – барьер для распространения эмоциональных эпидемий, которые могут принимать разрушительный характер.

Те средства коммуникации, что возникли благодаря электронным технологиям, сегодня невозможно рассматривать вне процессов глобализации. Раз человечество стремится к большому единению, то без коммуникативных технологий не обойтись. Вообще, они были вызваны к жизни потребностями того типа общества, который называется индустриальным. Чем большее число потребителей средства коммуникации могут включить в коммуникативные процессы, тем лучше. К началу XXI века таких средств появилось столько, что, кажется, именно они и только они и являются культурой. В связи с этим возникает актуальная проблема осмысления взаимоотношений между коммуникацией и культурой. Что из них первично, а что вторично? Или коммуникация входит составной частью в культуру, или культура творится в границах коммуникации?

Один из авторитетных специалистов по социологии и философии медиа – Н. Луман в своей книге «Реальность медиа» мимо этих вопросов не проходит [Луман, 2005]. У него часто мелькают такие суждения: «культура есть продукт системы массмедиа», «система массмедиа разрушает аутентичную культуру», «массмедиа как основание культуры» и, наконец, «без массмедиа культуру нельзя было бы распознать как таковую». Каждое из этих утверждений противоречит другим. Чтобы в этом разобраться, необходимо иметь в виду то, что коммуникация явно к массовой коммуникации не сводится. Проблема, которую мы здесь ставим, требует исторического подхода.

Обратимся сначала к средствам коммуникации, вызванным к жизни в доиндустриальном, традиционном обществе. Кажется, сегодня они оказываются на положении исчезающей Атлантиды. Но это не совсем так. Начнем с идентификации средств коммуникации доиндустриальных обществ. Хочу вспомнить начало 1970-х годов, когда небольшая группа сотрудников института искусствознания, в которую входил и автор этой статьи, занималась социологией театра. Нужно было объяснить подъемы и спады посещаемости театра. В ситуации распространения телевидения имел место рост числа посещений театра.

Автор склонен был это объяснять с помощью маклюэновской формулы: содержанием является само средство коммуникации. Что это может означать применительно к театру как средству коммуникации? А то, что коллективное восприятие зрелища уже само по себе обладает притягательностью [Театр..., 2009]. Тем более, что здесь контакт основывается на общении с живыми актерами. Театр – это консервация древнейшего способа коммуникации, трансформировавшегося в вид искусства. Вот некоторый его подъем во второй половине XX века, по моему мнению, был спровоцирован эскалацией электронных технологий, в которых такого рода контакт отсутствует.

Но древнейшие способы коммуникации лишь к театру не сводятся. Это особый уровень в коммуникации. В 1970-е годы, когда распространялась мода на семиотику, в Московском университете вышло издание «Предмет семиотики. Теоретические и практические проблемы взаимодействия средств массовых коммуникаций» [Волков, 1975, 12]. В нем была опубликована статья А. Волкова, в которой я обнаружил теоретическую аргументацию моей гипотезы о том, что в культуре сосуществуют два уровня коммуникации – один связан с доиндустриальным, другой – с индустриальным обществом.

Выделяя традиционные, древние средства коммуникации в особую группу, А. Волков называл их «средствами массового воздействия». Так, то, что мы все сваливаем в одну кучу и называем средствами коммуникации, у него делится на две группы: средства массовой коммуникации и средства массового воздействия. Термин «средства массового воздействия» не привился, и проект А. Волкова оказался забытым. В самом деле, что такое средства массовой коммуникации как не средства массового воздействия? Однако смысл в таком разделении все же был. Он заключается в

том, что перенасыщение электронными средствами коммуникации порождает востребованность в традиционных средствах, существовавших в доиндустриальных обществах. Следовательно, в сфере коммуникации возникает и начинает действовать компенсаторный механизм. Но если уж мы задались целью проследить эти взаимоотношения между разными средствами коммуникации в истории, то нам необходимо выявить ту норму коммуникации, которая в истории известна как идеальная. Видимо, вопрос о норме невозможно рассматривать, не соотнося ее с процессами индивидуализации в культуре.

Имеющее место забвение традиционных средств коммуникации существует параллельно углубляющемуся разрыву человека с землей. Между тем, еще О. Шпенглер утверждал, что культура творится лишь в ситуации контакта с землей, а в городах она умирает. Что же касается городов, то именно городская культура по мере своего развития вызывает к жизни одно из значимых противоречий Нового времени. Город способствует разрыву между культурой и цивилизацией. В возникающей в городах как организмах цивилизации, соответствующей духу индустриального общества, крестьянин воспринимается уже «пережитком былой культуры» [Шпенглер, 1993, 540].

До возникновения индустриальных обществ (а время их возникновения обозначается как Новое время) культура была синонимом цивилизации. Технологии, возникающие в доиндустриальных обществах, впечатывались в культуру, оказываясь ее порождением. Иное дело – ситуация, складывающаяся в Новое время. Вместе с бурным развитием городов цивилизация отрывается от культуры, демонстрируя собственные ритмы и цели развития. Но обретая самостоятельное по отношению к культуре существование, цивилизация утрачивает и связь с личностью. Это можно проследить на примере истории коммуникации.

Собственно, сам город становится выражением духа цивилизации, о чем и писал О. Шпенглер. Однако чем очевидней становится триумф цивилизации, которому способствуют возникающие мощные технологии, тем неустрашимей оказывается ностальгия по традиционным каналам коммуникации, продолжающим сохраняться за пределами современных мегаполисов. Существует ли возможность по-настоящему оценить потенциал таких традиционных средств коммуникации, а также возродить их в современных условиях? Возродить, чтобы если и не снять порождаемые глобализацией противоречия, то хотя бы их смягчать. Ведь исчезновение традиционных способов коммуникации ведет к утрате национальных корней и, в конечном счете, размыванию идентичности личности, какой она до сих пор продолжала оставаться. Попытаемся остановиться на аспектах современной проблемной ситуации, свидетельствующих о том, что появление в истории каждого средства коммуникации связано с разрешением возникших в культуре на определенном этапе ее функционирования проблем, а главное, с процессами индивидуализации культуры. Но этот процесс, однако, не столь однозначен. Вместе с разрешением одних проблем каждое новое средство коммуникации порождает новые проблемы, поскольку вводит в культуру массовые стихии, противостоящие процессам индивидуализации.

В начале XXI века это противоречие не становится менее острым. Наоборот, развертывающаяся глобализация в еще большей степени обостряет противоположные тенденции – индивидуализации и массовизации в культуре. Попробуем проследить эту закономерность в истории. Появление каждого средства коммуникации является очередным шагом в развертывании процессов глобализации. Но одновременно это прогрессивное развитие означает и некоторую утрату традиционных ценностей и, следовательно, традиционных средств коммуникации, которые до этого времени формировали и поддерживали идентичность, в том числе индивидуальную идентичность.

Для выражения духа таких традиционных ценностей мы используем понятие «площадь», ассоциирующееся после появления идей М. Бахтина именно с эпохами, предшествовавшими современной культуре с ее мощными электронными технологиями. Культуры, в которых площадь являлась самым массовым средством коммуникации, притягательны тем, что они представляли не опосредствованный, а непосредственный контакт собравшихся в одном пространстве людей. Ведь именно от этого признака коммуникации, возникшие в индустриальных обществах на основе

Н.А. Хренов *Коммуникация и культура:*

к неапологетической истории массовой коммуникации

электронных технологий, себя и освобождают. Если в последние столетия эти средства коммуникации получили столь гипертрофированное развитие, то это имеет и объяснение, и оправдание. Мир стремится к единству. Все исторические процессы глобализируются. Тем не менее, какие бы формы и ритмы глобализации не возникали, традиционные ценности и соответствующие им средства коммуникации свои притягательные для человека свойства продолжают сохранять. Необходимо лишь их осознать и понять их функции в культуре. Чем более культура насыщается возникающими на основе электронных технологий средствами коммуникации, тем более очевидным становится неустранимость коммуникаций в локальных средах, столь эффективных в доиндустриальном обществе.

2. Культурологический аспект коммуникации: личность как субъект коммуникативных процессов.

Прежде всего обратим внимание на одно обстоятельство, которое, может быть, дополнит наблюдения и выводы, сопровождающие апологетическую историю массовой коммуникации (а другой просто не существует), а, может быть, и заставит на нее посмотреть с иной точки зрения. Оценивая вклад М.Бахтина в гуманитарные науки, Ю. Лотман констатировал гениальное прозрение ученого-гуманитария, своего современника так. По его мнению, гениальное прозрение М. Бахтина связано с коммуникацией, превращающейся в XX веке в одну из центральных, если не в центральную проблему [Автономова, 2009, 193]. Правда, Ю. Лотман имел в виду ту разновидность коммуникации, которая является художественной. Однако сам Ю. Лотман в своих исследованиях выходил далеко за пределы литературы, в пространство культуры в целом.

В связи с этим обратим внимание также на то, что, оказывается, коммуникация как сфера культуры имеет свою длительную историю, соотносимую с историей утверждения индивидуального начала в культуре. Но эту истину открыли, как это не покажется странным, лишь в XX веке, а точнее, во второй его половине. Лишь в наше время было осознано, что, оказывается, у человечества кроме истории государства, истории общества и истории культуры есть еще история коммуникации, как и сопровождающая ее история изучения коммуникации, то есть науки о ней [Хренов 1985]. Этим открытием наука во многом обязана весьма парадоксальному, но и проницательному теоретику М. Маклюэну. На мысль, что история, кроме всего прочего, является еще и историей коммуникации, его навело возникновение одной из мощных систем коммуникации – телевидения. Правда, как известно, М. Маклюэн увлекся, и у него получилось, что коммуникация поглотила все остальное – и общество, и государство, и культуру. С этим можно и не соглашаться, а вот то, что коммуникация имеет историю – это открытие М. Маклюэна, которое, к сожалению, до сих пор точкой отправления для появления последующих фундаментальных исторических трудов на эту тему не стало.

Вернемся к проблеме взаимоотношений между культурой и коммуникацией. Или коммуникация входит составной частью в культуру, или культура творится в коммуникативных процессах? В любом случае есть возможность понять эту проблему, если попытаться на нее взглянуть с точки зрения личности, являющейся и субъектом коммуникации, и субъектом культуры. Конечно, на историю коммуникации можно смотреть с разных точек зрения, в том числе и таких, когда личность, принимающая участие в коммуникации, может предстать объектом, а не субъектом. Однако нас будет интересовать лишь такой ракурс, который соотносим с личностью как субъектом коммуникативных процессов. Лишь в этом случае можно избежать подхода, в соответствии с которым история коммуникации оказывается исключительно апологетической историей. Как случилось, что, несмотря на появление мощных коммуникативных систем, призванных сблизить личность и культуру, мы в реальности наблюдаем то, что в свое время прогнозировал еще Ф. Ницше, а именно, распространяющееся внутри достигших высокого уровня цивилизаций варварство. Этот, казалось бы, странный прогноз, однако, подтверждается реальностью. Выясняется, что мощные технологические инновации, пересоздающие систему коммуникации, этому падению в варварство противостоять не могут. Так, Й. Хейзинга констатирует: «Сделавшая столь мощный скачок наука

вместе со своей младшей сестрой, технологией, уже с XIX века претендует на то, чтобы их отождествляли с культурой. Но мы, к сожалению, знаем, что очень высокие формы научного развития могут сочетаться с ужасающим варварством» [Хейзинга, 2010, 251]. Если согласиться с такой точкой зрения, то следует внимательно осмыслить опыт коммуникативных технологий, а он явно неоднозначен.

3. На периферии апологетической истории коммуникации: способствовали ли средства коммуникации наращиванию личностного потенциала культуры?

Разумеется, развести коммуникацию и культуру невозможно. Но и утверждать, что между ними существует гармония, тоже не приходится. Кажется, что в наше время коммуникация далеко вышла за пределы культуры, выражая скорее дух цивилизации, чем дух культуры. То, что в истории их взаимоотношений гармония между культурой и коммуникацией является частным случаем, очевидно. Но такой ли вариант взаимоотношений между ними можно наблюдать сегодня? Конечно, например, телевидение – великое приобретение культуры, но сколько же негативных оценок сопровождает его функционирование. Можно даже утверждать, что сегодня их становится больше, чем на ранних этапах его функционирования. Конечно, интернет – замечательное явление культуры, но и он уже успел спровоцировать множество противоречивых суждений. Но, видимо, как мы уже отметили, каждое новое средство коммуникации входит в культуру, провоцируя конфликт. Прежде всего, конфликт с уже сложившимися в культуре традициями, а, следовательно, и с самой культурой.

Обратимся хотя бы к такому древнейшему средству коммуникации как письменность. Разве можно утверждать, что ее появление явилось для культуры разрушительным? Тем не менее, оно входило в сознание именно так. Чтобы отойти от апологетической истории коммуникации, попробуем найти в прошлом сторонников неапологетической истории коммуникации. Так, в одном из диалогов Платона на суждение изобретателя Тевта египетский царь Тамус отреагировал такими словами: «В души научившихся им они (письмена – Н. Х.) вселят забывчивость, так как будет лишена упражнения память; припоминать станут извне, доверяясь письму, по посторонним знакам, а не изнутри, сами собою. Стало быть, ты нашел средство не для памяти, а для припоминания. Ты даешь ученикам мнимую, а не истинную мудрость. Они у тебя будут многое знать понаслышке, без обучения, и будут казаться многознающими, оставаясь в большинстве невеждами, людьми трудными для обучения; они станут мнимомудрыми вместо мудрых» [Платон, 1970, 2, 216].

Это высказывание обязывает вспомнить знаменитый трактат Ж.-Ж. Руссо, написанный для Дижонской академии, объявившей в середине XVIII века конкурс на тему «Способствовало ли возрождение наук и искусств улучшению нравов». Ответ Руссо мы знаем по его трактату, в названии которого сформулированный Академией вопрос уточнен. Сам автор назвал его так – «Способствовало ли развитие наук и искусств улучшению нравов, или же оно содействовало порче их?». Как известно, у Руссо ответ не получился оптимистическим. Это не помешало ему иметь широкий резонанс во всем мире. Может быть, появление книг М. Маклюэна о телевидении в 60-е годы XX века тоже спровоцировали аналогичное замешательство и имело такой же широкий резонанс в мире.

Наблюдая в XX веке появление нескольких мощных коммуникативных систем (кино, радио, телевидение, видео, интернет), мы, загипнотизированные таким технологическим прогрессом, можем, тем не менее, уже задаться вопросом, на который когда-то пришлось отвечать Руссо. Только этот вопрос мы поставим применительно не к наукам и искусствам, а к средствам массовой коммуникации, поставляющим и науку, и просвещение, и литературу, и искусство. Подхватывая мысль М. Маклюэна о возможности исторического изучения массовой коммуникации, мы коснемся предыстории тех мощных коммуникативных систем, которые сегодня во многом определяют наш образ жизни.

Когда К. Леви-Строс пытается коснуться вопроса, связанного с отношениями между коммуникацией и культурой, он тоже обращается к более традиционным способам коммуникации,

Н.А. Хренов *Коммуникация и культура:
к неапологетической истории массовой коммуникации*

в частности, к той же письменности, по поводу которой высказываются в диалоге Платона. Для К. Леви-Строса письменность уже поставила человечество перед теми же проблемами, с которыми мир столкнется в последующую эпоху. Но подобная логика в истории коммуникации, спровоцированная Руссо и подхваченная Леви-Стросом, возвращает к способам коммуникации, существовавшим в традиционных обществах и обычно изучаемых исключительно в границах культурной антропологии. В частности, Леви-Строс вернется к письменности и так же, как это имело место в диалоге Платона, обратит внимание на негативные последствия ее функционирования.

Как бы подхватывая мысль Платона, Леви-Строс прямо говорит о коммуникации в формах письменности как о неподлинной коммуникации, противопоставляя ее коммуникации подлинной. Подлинной же коммуникацией для Леви-Строса является, как комментирует Ж. Деррида, заимствованный у Руссо образ сообщества говорящих, в котором отдельные индивиды в состоянии слышать и понимать друг друга. Лишь в такой коммуникативной ситуации возможен диалог, отсутствие которого превращает любую коммуникацию в неподлинную. Неподлинная, ибо не предполагает диалога, а, следовательно, жертвует личным началом. Может быть, поэтому письменностью не пользовались ни Сократ, ни Христос. Критерием подлинной коммуникации для Леви-Строса является отношение «соседства» в малых сообществах, где «каждый знает каждого» [Деррида, 2000, 286]. Удивительно, но интерес к диалогу, например, в философии и не только возникает и нарастает параллельно коммуникативному буму, связанному с распространением кино и телевидения. Это явный знак того, что в реальности диалог отсутствует. На эту тему удачно высказался Ж. Бодрийяр в связи с этнологией. Наука проявляет интерес к тем объектам, которые находятся под угрозой исчезновения. То же происходит и с диалогом.

Принесение в жертву характерных для локальных сообществ традиционных средств коммуникации, с чем связана последующая история коммуникации, явно не разрешило проблем, возникших уже с появлением письменности. Вот как К. Леви-Строс описывает неподлинность коммуникации с помощью письменности. «Наши взаимоотношения с другими людьми – пишет он – носят теперь не более как случайный и отрывочный характер, поскольку они основаны на глобальном опыте, а не на конкретном восприятии одного субъекта другим. Чаще всего они являются следствием косвенных реконструкций, осуществляемых на основе письменных источников. Мы связаны ныне с нашим прошлым не благодаря устной традиции, подразумевающей живой контакт с людьми – рассказчиками, жрецами, мудрецами или старцами, а на основе заполняющих библиотеки книг, из которых исследователи пытаются с такими трудностями извлечь все, что могло бы помочь восстановить личность их создателей. Что касается наших современников, то мы общаемся с их громадным большинством благодаря самым различным посредникам – письменным документам или административному аппарату, которые, разумеется, неизмеримо расширяют наши контакты, но в то же время придают им опосредованный характер. Именно он и стал символом выражения взаимоотношений между гражданином и властями. Мы не склонны к парадоксу и не собираемся давать отрицательную оценку колоссальному перевороту, наступающему в связи с изобретением письменности. Однако необходимо отдавать себе отчет в том, что, облагодетельствовав человечество, она одновременно отняла у него нечто существенно важное» [Леви-Строс, 1983, 325].

Таким образом, корень проблемы связан с разрушением непосредственного общения и с появлением в структуре коммуникации посредников. Это обстоятельство имеет много плюсов, в частности, увеличивает число вступающих в коммуникацию и безгранично расширяет пространство коммуникации. Эти закономерности как раз и будут способствовать глобализационным процессам. Но в то же время из этой коммуникации исчезает то, что воссоздать новые коммуникации уже неспособны, а именно интеракцию, на основе которой диалог и возможен. Хотя в возможностях новых коммуникативных систем имитировать интеракцию. Ведь эта самая интеракция личностные смыслы в коммуникативных процессах не стирала. К XX веку появилось уже множество разных медиа. Между тем, то, что коммуникация имеет историю, и она не исчерпывается историей медиа, возникающих на основе электронных технологий, было осознано лишь с появлением тех же электронных технологий.

Понять это запаздывание в открытии того, что медиа имеют историю, помогает Н. Луман. Но его суждения относятся уже к морфологическим особенностям медиа. Для него все виды медиа, связанные с машинным производством, а это книги, журналы, газеты, фотография, разнообразные продукты электронного копирования, вроде театральных представлений, выставок, концертов, фильмов, распространяющихся с помощью кассет и дисков, имеют один общий признак – отсутствие в них интеракции (то есть взаимодействия между людьми в форме непосредственного контакта). Правда, как свидетельствует, например, практика телевидения, медиа научились интеракцию имитировать. Так, А. Вартанов свидетельствует о весьма эффективных попытках телевидения стимулировать обратную связь, т.е. эту самую интеракцию имитировать, когда зритель «во время просмотра передачи мог высказывать суждения о ней и, главное, о предмете, о котором идет речь» [Вартанов, 2002, 129]. Этот прием исследователь высоко оценивает. «Это стало возможным – пишет он – лишь когда появилась интерактивная связь между телезрителем и телеведущим, когда с помощью телефона человек, находящийся дома возле своего приемника, смог отвечать на поставленные перед ним вопросы» (там же).

Но несмотря на виртуозную имитацию приемов интеракции, телевидение все же оказывается неспособным разрешить проблемы и не отменяет отмеченного Н. Луманом признака. «Во всяком случае, – пишет Н. Луман – решающее значение имеет то, что между отправителем и адресатами не может состояться непосредственная интеракция. Интеракция исключена благодаря посредничеству техники, и это имеет далеко идущие последствия, которые дают возможность определить понятие «массмедиа» [Луман, 2005, 10]. Отсюда вытекают как позитивные, так и негативные последствия функционирования медиа.

Если при определении медиа исходить из отсутствия интеракции, то историю медиа, вслед за Маклюэном, приходится сильно передвигать в прошлое и, в частности, начинать ее с возникновения письменности, что и демонстрирует сам Н. Луман. Он пишет: «Вместе с письменностью начинается и телекоммуникация, коммуникативное предоставление того, что отсутствует в данном пространстве и времени» [Луман, 2005, 82]. Почему телекоммуникация начинается с возникновения письменности? Да потому, что в ней знаки заменяют вещи, и их можно перебрасывать в какие – угодно пространства. Эти знаки можно воспринять не только в другом пространстве, но и в другом времени. В этом случае в медиа появляются новые нюансы, связанные с возможностью манипулирования сознанием людей. Но это означает утрату субъективного начала коммуникации.

Расширяя пространство коммуникации, технологии жертвуют той позицией личности, когда она предстает субъектом, а не объектом. Тогда коммуникация способна разворачиваться в интересах уже не личности. Поэтому вопрос об интеракции приобретает не только коммуникативный, но и социальный смысл. Его обсуждает Ж. Деррида, обращаясь к текстам Руссо и Леви-Строса. Речь у Ж. Деррида идет об оппозиции подлинности и неподлинности. Так, философ напоминает, что у Руссо подлинность предполагает образ сообщества говорящих, в котором люди в состоянии слышать друг друга [Деррида, 2000, 285]. Иначе говоря, подлинность достигается лишь при наличии интеракции. Этот идеал коммуникации как подлинной коммуникации повторяет и Леви-Строс. Процитированное суждение Леви-Строса можно считать формулой медиа, в том числе и современных. Ж. Деррида показывает, что идею подлинности традиционных способов коммуникации Леви-Строс заимствует у Руссо, пытавшегося показать, что в письменности заинтересована не только личность, а прежде всего власть. Или точнее: этим видом медиа воспользовалась власть.

Лишившаяся интеракции коммуникация в современном обществе стала основой манипуляции, все более нарастающей в современной политической машине. Уже Руссо приходил к выводу, что рассредоточение соседства и отсутствие интеракции становятся условием угнетения и произвола власти: «Итак, я говорю, что любой язык, который не слышен собравшемуся народу, – это рабский язык: невозможно, чтобы народ, говорящий на этом языке, был свободным» [Деррида, 2000, 288]. Перенося эту формулу на современное общество, можно ее уточнить: благодаря медиа и при их участии общество обретает свободу. Но в то же время не без участия медиа оно способно ее лишиться.

Н.А. Хренов *Коммуникация и культура:
к неапологетической истории массовой коммуникации*

4. От письменности к печатной книге: чем жертвует культура с момента изобретения Гутенберга?

Если появление письменности в культуре нельзя оценивать однозначно, если она кроме позитивных последствий имеет и негативную сторону, то, может быть, изобретение Гутенберга позволяет эти негативные стороны смягчить и нейтрализовать? Казалось бы, можно ли сказать что-то отрицательное об этом средстве коммуникации. Это ли не свидетельство развертывания культурного, как и личного прогресса. Ведь даже Маклюэн, утверждая, что телевидение стирает и уничтожает все те уровни культуры, что возникли как следствие технологии, вызванной к жизни Гутенбергом, отождествляет книгопечатание с культурой в целом. Для него печатная книга – одно из величайших завоеваний в истории духа, заметное продвижение в процессах индивидуализации. Для нас, разумеется, тоже. Печатная книга является просто олицетворением развертывающегося культурного прогресса и культуры как таковой. Однако любопытно было бы все же напомнить о том, как в эпоху первоначального распространения печати она все же отторгалась. Предпочтение отдавалось рукописной книге. Несмотря на несомненное техническое превосходство, книгопечатание не могло сразу же вытеснить ручную переписку. Известная часть основных потребителей книг – дворянство, духовенство и даже гуманисты к печати относились скептически и еще длительное время отдавали предпочтение рукописной книге [Функе, 1982, 55].

Эту констатацию подтверждает и глубокий исследователь культуры Ренессанса Я. Буркхардт. «Книги писались тем красивым новоитальянским почерком, – пишет он – один вид которого доставляет наслаждение; его зачатки можно заметить уже в XIV веке. Папа Николай V, Поджо, Джаноццо Манетти, Никколо Никколи и другие знаменитые ученые были от природы каллиграфами, они требовали красоты и ничего иного не терпели. Все остальное оформление рукописи, даже если в ней не было миниатюр, отличалось большим вкусом, особенно же лоренцианские кодексы с их легкими линейными орнаментами в качестве заставок и концовок. Если книги предназначались для очень знатных особ, они писались исключительно на пергаменте; переплеты в Ватикане и Урбино были красного бархата с серебряной оправой. При таком подходе, когда благородством оформления стремились внушить читателю благоговейный трепет перед содержанием книги, становится понятным, почему внезапно появившиеся в обращении печатные книги поначалу встречали сопротивление. Федерико Урбинский «постыдился бы» иметь печатную книгу в своей библиотеке» [Буркхардт, 1996, 176].

Недоверие к печатной книге можно обнаружить даже у М. Монтеня. По его мнению, жизнь селения, в котором философ жил, дает больше пищи для ума, нежели то, что можно почерпнуть в книжной лавке. Распространение печатной книги и увеличение пишущих людей Монтень связывает с кризисом культуры. «Следовало бы иметь установленные законами меры воздействия, – пишет он – которые обуздывали бы бездарных и никчемных писак, как это делается в отношении праздношатающихся и тунеядцев. В этом случае наш народ прогнал бы взашей и меня и сотни других. Я не шучу. Страсть к бумагомаранию является, очевидно, признаком развращенности века. Писали ли мы когда-нибудь столько же до того, как начались наши беды? А римляне до того, как начался их закат?» [Монтень, 1979, 3, 152].

В самом деле, возникновение печатной книги – заметный шаг в процессах секуляризации культуры. Это особенно заметно на исчезновении в архитектуре в связи с появлением печатной книги ее сакральных функций. В романе «Собор парижской богородицы» В. Гюго посвятит вторжению печатного станка весьма значительное место. Он уже от себя, а не от имени своего персонажа – архидьякона – отца Клода (указавшего на печатную книгу и произнесшего «Вот это убьет то» [Гюго, 1953, 2, 178], а под этим «то» он имел в виду собор) попытается осознать, что дело даже не в будущем закате культовой архитектуры, а в кризисе церкви и религии вообще.

Тревогу М. Монтеня позднее, когда в России печать примет беспрецедентные масштабы, разделит критик цивилизации Л. Толстой. «Вникнув в процесс установления общественного мнения при теперешнем распространении печати, – пишет он – при котором читают и судят благодаря

газетам о предметах газетные поденные работники, столь же мало способные судить о них, при таком распространении печати надо удивляться не ложным суждениям, укоренившимся в массах, а только тому, что встречаются еще иногда, хотя и очень редко, правильные суждения о предметах» [Толстой, 1965, 18, 392]. Следующее суждение Л. Толстого заставляет вспомнить не только даже знаменитый трактат Руссо, сколько, пожалуй, проповедь Савонаролы. Распространение печати, согласно Л. Толстому, – свидетельство кризиса и культуры, и цивилизации. «Жду даже того, – пишет он – что этот упадок общего уровня разумности будет становиться все больше и больше не только в искусстве, но и во всех областях: и в науке, и в политике, и в особенности в философии (Канта никто уже не знает, знают Ницше) – и дойдет до всеобщего краха падения той цивилизации, в которой мы живем, такого же, каково было падение египетской, вавилонской, греческой, римской цивилизации» [Толстой, 1965, 18, 393].

Таким образом, негативные последствия функционирования письменности, улавливаемые еще Платоном, в результате распространения книгопечатания привели уже к «упадку общего уровня разумности». Ворчание М. Монтеня, вспоминая, листая фрагментарные записи и заметки В. Розанова, объединенные названием «Уединенное». В этой, вышедшей в 1912 году книге, В. Розанов обращает свою критику против «испортившего» литературу Гутенберга. Ведь, как считает философ, настоящая, истинная литература существует лишь в рукописном виде. «Как будто этот проклятый Гутенберг – пишет он – облизал своим медным языком всех писателей, и они все обездушились «в печати», потеряли лицо, характер. Мое «я» только в рукописях, да «я» и всякого писателя. Должно быть, по этой причине я питаю суеверный страх рвать письма, тетради (даже детские), рукописи – и ничего не рву; сохранил, до единого, все письма товарищей-гимназистов; с жадностью, за величиной вороха, рву только свое, с болью и лишь иногда» [Розанов, Уединенное, 1990, 24].

Судя по тому, что это признание к любви к рукописным текстам в его книге повторяются, оно выражает вполне оформившуюся и устойчивую мысль, даже убеждение. Для В. Розанова литература в печатном виде утрачивает нечто существенное, приобретая нечто от техники. Как мы помним, нечто подобное применительно к письменности утверждает в диалоге Платона. «У нас литература так слилась с печатью, – пишет он – что мы совсем забываем, что она была до печати и, в сущности, вовсе не для опубликования. Литература родилась «про себя» (молча) и для себя; и уже потом стала печататься. Но это – одна техника» [Розанов, Уединенное, 1990, 46]. Как отсюда очевидно, В. Розанов возродил отношение к печатной книге, имеющее место в среде гуманистов. Значит, эта уязвимость печати при всех ее достоинствах продолжает оставаться неустранимой.

С В. Розановым произошла парадоксальная вещь. Кого из русских философов можно сравнить с ним по тому месту, которое он занимает в прессе? Судя по всему, все его рассыпанные по разным газетам и журналам статьи и заметки все еще не собраны и не опубликованы. Их очень много. Значит, кто, как не Розанов ощутил то, что позднее в связи с функционированием телевидения назовут мозаичными структурами, происхождение которых уходит к ранним стадиям функционирования периодической печати. В его фрагментарных заметках получил выражение газетный стиль. И, собственно, В. Розановым он был и осознан. Так, обнаружив задолго до сочинений Маклюэна высказанную в прессе мысль о том, что периодическая печать убила книгу, В. Розанов уже фиксирует и то, что потом назовут мозаичным мышлением как следствием распространения газеты. В. Розанов фиксирует «скользящую смесь разнородных сведений о всем на свете и со всех концов света» [Розанов, Сумерки просвещения, 1990, 100]. Проблему В. Розанов усматривает в том, что наплыв газетного чтения имеет своим следствием поверхностное чтение. Так, закономерность, отмеченная Платоном еще на заре письменности, продолжает беспокоить способные эту закономерность осознать выдающиеся умы.

(продолжение в следующем номере)

Н.А. Хренов *Коммуникация и культура:
к неапологетической истории массовой коммуникации*

ЛИТЕРАТУРА

1. Автономова Н. Открытая структура: Якобсон, Бахтин, Лотман, Гаспаров / Н. Автономова. – Москва, 2009.
2. Буркхардт Я. Культура Италии в эпоху Возрождения / Я. Буркхардт. – Москва, 1996.
3. Вартанов А. Развитие киноязыка: от прямого эфира к интерактиву / А. Вартанов // Средства массовой коммуникации в художественной культуре России XX века., т. 3. Телевидение на рубеже веков (1980-2001 годы). – Москва, 2002.
4. Волков А. Об актуальных проблемах средств массового воздействия (СМВ) и средств массовых коммуникаций (СМК) / А. Волков // Предмет семиотики. Теоретические и практические проблемы взаимодействия средств массовых коммуникаций. – Москва, 1975.
5. Гюго В. Собрание сочинений в 15 т. / В. Гюго. – Т.2. – Москва, 1953.
6. Деррида Ж. О грамматологии / Ж. Деррида. – Москва, 2000.
7. Леви-Стросс К. Структурная антропология / К. Леви-Стросс. – Москва, 1983.
8. Луман Н. Реальность массмедиа / Н. Луман. – Москва, 2005.
9. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека / М. Маклюэн. – Москва, 2003.
10. Монтень М. Опыты, Книга 3 / М. Монтень. – Москва, 1979.
11. Платон. Сочинения в 3-х т. / Платон. – Т. 2. – Москва, 1970.
12. Поршнев Б. Контрсуггестия и история / Б. Поршнев // Б. Поршнев. История и психология. – Москва, Наука., 1971.
13. Розанов В. Сумерки просвещения / В. Розанов. – Москва, 1990.
14. Розанов В. Уединенное / В. Розанов. – Москва, 1990.
15. Театр как социологический феномен / Отв. Редактор Н.А. Хренов. – Санкт-Петербург, 2009.
16. Толстой Л. Собрание сочинений в 20 т. / Л. Толстой. – Т.18. – Москва, 1965.
17. Функе Ф. Книговедение. Исторический обзор книжного дела / Ф. Функе. – Москва, 1982.
18. Хейзинга Й. Тени завтрашнего дня. Человек и культура. Затемненный мир / Й. Хейзинга. – Санкт-Петербург, 2010.
19. Хренов Н. Теоретические вопросы истории функционирования и развития массовой коммуникации / Н. Хренов // В зеркале критики. Из истории изучения художественных возможностей массовой коммуникации. – Москва, 1985.
20. Хренов Н. Экранная культура в контексте перехода от индустриальной к постиндустриальной цивилизации / Н. Хренов // Научный альманах «Наука телевидения». Выпуск 12. – Москва, 2016.
21. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории / О. Шпенглер. – Москва, 1993.

REFERENCES

1. Avtonomova N. *Otkrytaja struktura: Jakobson, Bahtin, Lotman, Gasparov* [An Open Structure: Jakobson, Bahtin, Lotman, Gasparov]. Moscow, 2009.
2. Burkhardt Ja. *Kul'tura Italii v jepohu Vozrozhdenija* [Culture of Renaissance Italy]. Moscow, 1996.
3. Vartanov A. *Razvitie kinojazyka: ot prjamoego jefira k interaktivu* [Development of the language of cinema: from live to interactive]. in *Sredstva massovoj kommunikacii v hudozhestvennoj kul'ture Rossii 20 veka., t. 3. Televidenie na rubezhe vekov (1980-2001 gody)* [Media in Russian art culture of the 20c. 3. TV of 1980-2001]. Moscow, 2002.
4. Volkov A. *Ob aktual'nyh problemah sredstv massovogo vozdejstvija (SMV) i sredstv massovyh kommunikacij (SMK)* [Actual problems of impact media and communication media]. in *Predmet semiotiki. Teoreticheskie i prakticheskie problemy vzaimodejstvija sredstv massovyh kommunikacij* [Subject of Semiotics: Theoretic and applied problems of media interactions]. Moscow, 1975.
5. Gugo V. *Collected works* 15 t., t. 2., Moscow, 1953.
6. Derrida Zh. *O grammatologii* [On Grammatology]. Moscow, 2000.
7. Levi-Strosc K. *Strukturnaja antropologija* [Structural Anthropology]. Moscow, 1983.
8. Luhmann N. *Real'nost' massmedia* [Reality of media]. Moscow, 2005.
9. McLuhan M. *Ponimanie media: vneshnie rasshirenija cheloveka* [Understanding Media]. Moscow, 2003.
10. Montaigne M. *Essays.*, Vol. 3., Moscow, 1979.
11. Platon. *Selected works in 3 vols.*, t. 2., Moscow, 1970.
12. Porshnev B. *Kontrsuggestija i istorija* [Contre-Suggestion and History]. in Idem. *Istorija i psihologija* [History and Philology]. Moscow, Nauka., 1971.
13. Rozanov V. *Sumerki prosveshhenija* [The dawn of Enlightenment]. Moscow, 1990.

N. Hrenov *Communication and culture:
to non-apologetic history of mass communication*

14. Rozanov V. *Uedinennoe* [Aloneness]. Moscow, 1990.
15. *Teatr kak sociologičeskij fenomen*. [Theatre as sociological phenomenon] Ed. N. A. Hrenov., SPb., 2009.
16. Tolstoj L. *Collected works in 20 vols.*, t. 18., Moscow, 1965.
17. Funke F. *Knigovedenie. Istoricheskiy obzor knižnogo dela* [Book Studies: a historical sketch of publishing]. Moscow, 1982.
18. Hujzinga J. *Teni zavtrashnego dnja. Chelovek i kul'tura. Zatemnennyj mir* [Shades of Tomorrow]. Saint-Petersburg, 2010.
19. Hrenov N. Teoreticheskie voprosy istorii funkcionirovanija i razvitija massovoj kommunikacii [Theoretical questions of the history of functioning and development of mass communication]. in *V zerkale kritiki. Iz istorii izučeniya hudožestvennyh vozmožnostej massovoj kommunikacii* [In the mirror of critics: from the history of the study of art capacities of mass communication]. Moscow, 1985.
20. Hrenov N. Jekrannaja kul'tura v kontekste perehoda ot industrial'noj k postindustrial'noj civilizacii [Screen culture in the context of the transit from industrial to postindustrial civilization]. in *Nauchnyj al'manah "Nauka televidenija"* [TV Studies Papers]. Issue 12., Moscow, 2016.
21. Spengler O. *Zakat Evropy. Očerki morfologii mirovoj istorii* [The decline of the West]. Moscow, 1993.